

**НЕОМИФОЛОГИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ:
ОТ ПУШКИНСКОГО «ДУБРОВСКОГО» К РОМАНУ
А. П. ПОТЕМКИНА «ЧЕЛОВЕК ОТМЕНЯЕТСЯ»¹**

Богданова Ольга Алимовна,

*доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, г. Москва
E-mail: olgabogda@yandex.ru*

**NEOMYTHOLOGY OF THE RUSSIAN ESTATE:
FROM PUSHKIN'S "DUBROVSKY" TO THE NOVEL
BY A. P. POTECHKIN "THE MAN IS CANCELED"**

Bogdanova Olga A.,

*DSc in Philology, Leading Researcher, A. M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
E-mail: olgabogda@yandex.ru*

Аннотация. Действие романа современного русского писателя А. П. Потемкина «Человек отменяется» (2007) разворачивается в пространстве сельской усадьбы Римушкино в Орловской губернии. Новый помещик Гусятников стремится воссоздать крепостнический дух Российской империи рубежа XVIII–XIX вв. для антропологических экспериментов с целью изменения «человека массы» рубежа XX–XXI вв. на психосоматическом уровне. Для анализа использована имперско-колониальная концепция эпохи постмодерности – усадьба как фронт в процессе сословно ориентированной внутренней колонизации страны, которая раскрывается на материале романа А.С. Пушкина «Дубровский».

Ключевые слова: русская усадьба, русский роман XIX–XXI вв., рубеж XX–XXI вв., усадебные неомифы, метамодернизм, внутренняя колонизация, фронт.

Abstract. The action of the novel by the modern Russian writer A. P. Potemkin «The Man is Canceled» (2007) takes place in the space of the rural estate of Rimushkino in the Oryol province. The new landowner Gusyatnikov seeks to recreate the serf spirit of the Russian Empire at the turn of the XVIII–XIX centuries for anthropological experiments with the aim of changing the “mass man” at the turn of the XX–XXI centuries at the psychosomatic

© Богданова О. А., 2022

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

level. For the analysis, the imperial-colonial concept of the postmodern era is used – the estate as a frontier in the process of class-oriented internal colonization of the country, which is revealed on the material of A. S. Pushkin's novel "Dubrovsky".

Keywords: Russian estate, Russian novel of the XIX–XXI centuries, the turn of the XX–XXI centuries, estate neo-myths, metamodernism, internal colonization, frontier.

По мысли автора романа «Человек отменяется» (2007), в результате генетической модификации людей «кардинально изменятся <...> ценности» [3], отсутствие которых у большей части человечества возмущает героев произведения. Это дефицит стремлений к духовно-интеллектуальному освоению мироздания, зависимость от низших физиологических влечений, неспособность к любви, бескорыстию, справедливости, состраданию и уважению к ближним.

Центральное положение в идейно-композиционной структуре произведения занимает «усадебный топос». Именно в усадьбе Римушкино происходят радикальные эксперименты над «человечностью» как онтологической субстанцией и экзистенциальным феноменом. Новый помещик — олигарх Иван Гусятников, — обладая беспредельной властью над множеством людей, разочарован в самом качестве «человечности» и не может определить параметры человеческой идентичности. Ради поиска новой истины и смысла существования он проводит в Римушкине изощренные и дорогостоящие эксперименты над нанятыми «крепостными», исследуя границы человеческой природы и возможности сверхчеловеческого.

Антропологическая неопределенность, подразумевающая распад человеческой личности и идентичности и пересмотр категории «человечность», является одной из важнейших черт переживаемой нами постмодернистской культурной ситуации. Однако в романе «Человек отменяется» ошутимо стремление преодолеть ее с помощью нового мифотворчества, стартующего в пространстве усадьбы: «Я <...> все основательнее укрепляю себя мыслью, что земля на человеке не заканчивается» [4, с. 174], — признается помещик XXI в.

Важно подчеркнуть, что в потемкинском Римушкине на качество «человечности» испытываются не представители русского народа, каким он был во времена Пушкина и Достоевского, но люди постсоветской массы с ее сложным социалистическо-капиталистическим генезисом. Возможно, поэтому Гусятникову так легко удается

«развеять иллюзии, будто человек — это что-то замечательное, прекрасное и вечное» [4, с. 183], одушевлявшие «усадебную культуру» и Золотого, и Серебряного века русской истории.

Принадлежа к культурной эпохе постмодерности, анализируемый роман по многим признакам представляет второй ее этап — метамодернизм, с характерной для него «интенци[ей] созидания культурного пространства, <...> восстановления прошлого, отвоевания его у небытия» [7, с. 479–480]. Тем не менее «крепостническое» поместье на просторах России начала XXI в. — это симулякр, указывающий не столько на реальную «усадебную культуру» XVIII–XIX вв., сколько на деконструкцию «усадебного мифа» Серебряного века, а также эксплуатирующий усадебную неомифологию советской эпохи с присущей ей эскалацией ужасов крепостного рабства времен правления Екатерины II и Александра I. Недаром владелец Римушкина Гусятников мечтает воссоздать имение Кирилы Петровича Троекурова из пушкинского «Дубровского», действие которого происходит в 1820-е гг.

Для уяснения замысла Потемкина обратимся к современной культурологии — книгам Э. В. Саида «Культура и империализм» (1993) и А. М. Эткинды «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России» (2013). Хотя Саид пишет о британско-американском империализме XVIII–XX вв., увиденные им закономерности колонизаторского процесса можно частично применить и к России. В частности, он прослеживает, как «непревзойденная традиция романа» XIX в. способствовала проникновению имперской культуры в колонизируемый народ. Классический роман, по мысли Саида, является выразителем имперской идеологии, пусть порой и неосознанно [см.: 6, с. 8, 27, 57, 151]. С позиций, сформулированных Саидом, русский роман, в том числе «Дубровский» Пушкина, также должен быть пронизан имперским пафосом, только с одной оговоркой: Россия — это империя, которая, по мысли В. О. Ключевского, сама «колонизируется» [2, с. 26], то есть на протяжении веков ей была свойственна не столько внешняя, сколько внутренняя колонизация.

Своеобразие российской самоколонизации XVIII — начала XX в. Эткинды видит в сословном делении российского общества, закрепленном в законодательстве Екатерины II. Именно оно обусловило новый тип внутренней колонизации в стране — господство европеизированных помещиков-дворян над патриархальными крестьянами, сохранившими многовековые русские национальные обычаи и стихию родного языка. По мысли Эткинды, поместное

дворянство выступало по отношению к русскому крепостному крестьянству во многом как иностранный цивилизатор и эксплуататор по отношению к жителям покоренной колонии. С этой точки зрения, усадьба являлась фронтиром, где происходил контакт между метрополией и колонией, а крепостничество становилось «инструментом внутренней колонизации» [см.: 8, с. 169–170, 199].

Заданная Потемкиным ретроспективная оптика, к которой, конечно же, роман Пушкина далеко не сводится, тем не менее позволяет трактовать ряд его деталей в указанном выше ключе. Недаром Эткинд назвал русскую литературу «самым успешным институтом культурной гегемонии империи» [8, с. 389]. Вспомним, что в «Дубровском» изображаются три усадьбы: Кистеневка Дубровских, Покровское Троекурова и Арбатово князя Верейского. Если первые две во многом имеют патриархальный характер, хотя и управляются помещиками — бывшими имперскими офицерами, героями русско-турецких войн, то в третьей очевиден колониальный тип взаимоотношений между владельцем и зависящими от него людьми. С одной стороны, здесь подчеркнута цивилизаторская и культуртрегерская роль только что приехавшего из столицы, а в столицу — из-за границы «агента империи»: в Арбатове гости любовались «каменным господским домом, выстроенным во вкусе английских замков. <...> Хозяин встретил гостей у крыльца <...>. Они вошли в великолепную залу <...>. Князь подвел гостей к окну, и им открылся прелестный вид. Волга протекала перед окнами, по ней шли нагруженные барки под натянутыми парусами и мелькали рыбацьи лодки, <...> прозванные душегубками. <...> Потом они занялись рассмотрением галерей картин, купленных князем в чужих краях» [5, с. 194].

Насилие как элемент поведения князя в своей вотчине заметно и в вышеприведенной цитате, и особенно в последующем сватовстве Верейского к Маше Троекуровой. Этот просвещенный европеец, не задумываясь, принуждает девушку, которая любит другого (и он прекрасно об этом знает), к ненавистному ей браку. Устроенный Верейским для Маши фейерверк можно трактовать как демонстрацию «мощи и красоты империи» [8, с. 189] на фоне гендерного бесправия женщины, лишения ее человеческих прав. Да и в усадьбе Троекурова, наряду с патриархальной семейственностью, видны имперско-сословная дискриминация и расчеловечивание крестьян: собаки на образцовой барской псарне живут намного лучше холопов.

Резюмируя сказанное, отметим: в романе Потемкина «Человек отменяется» представлена новая, ранее неизвестная в русской литературе модификация «усадебного топоса», во многом построенная на имперско-колониальном неомифе эпохи постмодерности.

Список источников и литературы

1. *Богданова О. А.* Русская литературная усадьба XIX–XX вв.: теоретический аспект исследований // *Mundo Slavico*. — 2020. — № 19. — С. 89–102.
2. *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс: в 3 т. Т. 1. — Москва ; Минск, 2002.
3. *Потемкин А.* К новому человеку / Человек неотменимый: Споры о романе Александра Потемкина «Человек отменяется» // *Завтра*. — 2008. — № 24 (760), 11 июня. — URL: <https://pub.wikireading.ru/160563> (дата обращения: 20.03.2022).
4. *Потемкин А.* Человек отменяется: Роман. — Москва, 2014. — 556 с.
5. *Пушкин А. С.* Дубровский: Роман // *Пушкин А. С. Пол. соб. соч.:* в 10 т. 4-е изд. — Ленинград, 1978. — Т. 6. — С. 142–209.
6. *Саид Эдвард Вади.* Культура и империализм. — Санкт-Петербург, 2012. — 733 с.
7. *Солдаткина Я. В.* Время и пространство современной русской прозы: неомодернизм и постмодернизм. Рецензия на учебное пособие: Кротова Д. В. Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. — М.: МАКС Пресс, 2018. 224 с. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. — 2018. — Вып. 23. — № 4. — С. 477–482.
8. *Эткинд А. М.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / пер. с англ. В. Макарова. — Москва, 2013. — 441 с.